

Моа. нрвввв. - 1998. - 24 окт. - с. 7

Вековой театр

Наталья БАЛАШОВА

На сводной московской театральной афише 26 октября во МХАТе им. Чехова (Камергерский переулок) обозначено как «День театра»; 27 октября во МХАТе им. Горького (Тверской бульвар) - «Торжественный вечер». Лаконично. Для непосвященных - понимай как кочешь. Осведомленные знают: это два разных театра, носящих одну аббревиатуру - МХАТ, празднуют 100 лет со дня рождения своего общего прадеда, которого нынче никак не могут поделить, - Московского Художественно-Общедоступного театра (его первоначальное название), раскрывшего впервые свой занавес в половине восьмого вечера 14 октября 1898 года в помещении театра «Эрмитаж», что стоит в Каретном ряду и поныне. А знаменитое здание в Камергерском переулке будет позже, в 1902 году.

О том, что открытию нового театра с совершенно отличными от общепринятых дотоле организационными и экономическими условиями предшествовала восемнадцатичасовая беседа его создателей - Константина Сергеевича Станиславского и Владимира Ивановича Немировича-Данченко, известно, конечно же, всем, кто мало-мальски интересуется театром. А вот вспомнить последние минуты пути перед тем, как раскрылся занавес на премьере трагедии А.К.Толстого «Царь Федор Иоаннович», положившей начало жизни нового коллектива, будет небезынтересно и поучительно.

«Стараясь подавить в себе смертельный страх перед грядущим, представляя бодрым, веселым, спокойным и уверенным, - вспоминал К.С.Станиславский, - я перешел третьим звонком обратился к артистам с ободряющими словами главнокомандующего, отпускающего армию в решительный бой... Вдруг грянула увертюра и заглушила мои слова. Говорить стало невозможно, и мне ничего не оставалось, как пуститься в пляс, чтобы дать выход бурлившей во мне энергии, которую я хотел тогда передать моим соратникам и молодым бойцам. Я танцевал, подпевая, выкрикивая срывающиеся фразы, с бледным и гневным лицом, с испуганными глазами, прерывающимся дыханием и конвульсивными движениями. Этот мой трагический танец прозвали потом «Пляской смерти».

Можно ли сегодня представить себе такое за минуту до начала спектакля в самой что ни на есть престижной антрепризе или моднейшем театре? Пляшущего с испуганными глазами Марка Захарова или Леонида Трушкина? Да ни в жисть! Сегодня все так же деловито. Чувства, эмоциям нет ни времени, ни места. А сто лет назад люди искусства жили сердцем, хотя Станиславский, между прочим, был режиссером не с пеленок, и в момент открытия Художественного театра на его плечах, как одного из директоров, была золо-

тканительная фабрика богатой московской семьи Алексеевых.

Новорожденный театр подобно мощному ледоколу, взламывающему вековые ледяные поля,arezался в рутинную стабильность не только московских, но и всех российских театральных просторов. И своим репертуаром. И школой актерского мастерства. И художественной этикой - интритеатральным законом общежития, обязательным для всех членов коллектива.

На сегодня о Московском Художественном театре, ставшем в 1919-м академическим и получившем имя М.Горького, хотя на его занавесе летит чеховская Чайка, давно ставшая его эмблемой, написаны Момбланы всяческой литературы - от многотомных академических исследований до художественной прозы, не лишённой авторской фантазии и доли ироники, МХАТ советского периода обласкан властью наряду с пристальным вниманием цензуры. Сам вожьд всех времен и народов осенял его своим присутствием, а «Дни Турбиных» М.Булгакова, еле спасенные от запрета наркомом просвещения А.В.Луначарским в 1928 году, Отец всех народов смотрел не единожды. И хотя внутри самого театра, как во всяком живом организме, шли свои естественные процессы - разномыслия в руководстве на грани разрыва, приливы и отливы творческих сил, - МХАТ все больше канонизировался, становясь по сути неприкосновенным для критики и преобразования.

Однако же радостно зритель не обязан был знать, что происходит за кулисами театра. Зритель шел на его спектакли. Стояли по ночам в зимнюю стужу очереди за билетами. Стеля на балконные ступеньки газетки, стайки студентов за входные 20 копеек с восторгом приобщались к великим

творениям мировой драматургии.

Не «Синяя птица», как было положено ребенку для начала знакомства с МХАТом, а «Дни Турбиных» еще с тем, довоенным актерским составом стали моими первыми мхатовскими впечатлениями. Они оказались столь мощными, что я и сегодня, десятки лет спустя, могу воспроизвести спектакль, мизансцена за мизансценой: появление Ларисюсика Михаила Яншина, неуловимого в своих земных одеждах, перекрещенного концами нахлобученного на голову башлыка; изысканный, полетный взмах руки блистательного поручика Шервинского Марка Прудкина, как бы смазывающего с массивного письменного стола сбежавшего Гетмана всея Украины забытый им золотой портсигар; и трогательно-комическое объяснение в любви Ларисюсика рыжеволосой красавице Елене Веры Соколовой во время украшения новогодней елки... Но самым сильным моментом стала сцена в гимназии - обращение к юнкеру Алексею Турбина и его гибель. Николай Хмелев к этому моменту настолько покорила меня своей игрой, что я прорыдала весь антракт, забывшись в глубину любви безытажа. А в следующем действии пустила уже тихую слезу при виде раненого Николая, такого чистого, трогательного и исполненного Ивана Кудрявцева. «Дни Турбиных» я смотрела позже неоднократно, а спектакль входил новые исполнители, но то детское впечатление осталось во мне на всю жизнь. Я счастливей человек: я видела все лучшие мхатовские постановки, плакала, хохотала и не навзрыд, на премьеры «Трех сестер» в 40-м предвоенном году, с превеликим трудом пробралась на «Школу злословия», как только МХАТ вернулся в Москву из эвакуации, а уже в 70-х со щемлящим сердцем смотрела, как прощались

с публикой великие мхатовские старики своим последним спектаклем «Соло для часов с боем».

Кажется, с тех пор прошла вечность.

МХАТ раскололся на две труппы. Обе - и мы с ними вместе - делают вид, что все хорошо, что так и надо. Но пришел юбилей. А чей он? Неизвестно. МХАТ им. Чехова еще задолго до торжественного дня начал предъюбилейную кампанию: собрал прессу, представил - по месяцам - план расписанных юбилейных премьер, блистательный список всех мировых знаменитостей, которые в торжественные дни должны собраться в его стенах. Послезавтра «день X». Но театр молчит, даже факсом не сообщая прессе, что же произойдет 26-го в Камергерском переулке. А на Тверском бульваре - тем более. МХАТ им. Горького уже давно обходится без связи с прессой. По-видимому, она ему без надобности.

Отдаю себе отчет, что произношу не юбилейные слова. Но что же делать, если такова реальность...

И все-таки Художественный театр, рожденный 100 лет назад, - великое явление мировой культуры. Его влияние на театры всех континентов земного шара неоспоримо и очевидно. Со сменой поколений менялся как сам театр, так и его зритель. И у каждого поколения был свой МХАТ, свой ровесник. Будем надеяться, что грядущие поколения не разочаруются в том МХАТе, спектакли которого им суждено увидеть. А сегодня мы поздравляем со столетним юбилеем тот Художественный театр, который живет в душе каждого из нас, и желаем ему счастливого будущего.

На снимке: А.П.Чехов читает свою пьесу «Чайка» К.С.Станиславскому, Вл.И.Немировичу-Данченко и группе актеров МХТ.